БОРИС ЗАЙЦЕВ И ПРАВОСЛАВИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗБРАННЫХ РАССКАЗОВ)

Егор Сергеевич Бунеев

студент магистратуры кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
e.buneeff@yandex.ru

Для цитирования: *Бунеев Е. С.* Борис Зайцев и православие (на материале избранных рассказов) // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2026. № 1 (14). С. 13–24. DOI: 10.31802/WI.2026.14.1.001

Аннотация

УДК 82-32

В статье предпринимается попытка характеристики религиозного мировоззрения Бориса Константиновича Зайцева. Посредством критического анализа биографии и творчества писателя, на материале рассказов «Волки» (1902), «Мгла» (1904), «Священник Кронид» (1905), «Миф» (1906), «Изгнание» (1910), «Душа» (1917), «Белый свет» (1921), «Уединение» (1921) были выявлены основные этапы формирования его отношения к религии: от «религиозного пантеизма» к осознанному принятию православия. На протяжении жизненного пути Борис Зайцев показал себя как глубоко верующий человек и заслужил репутацию одного из самых значительных религиозных писателей XX века в русском зарубежье. В статье анализируются религиозные темы и мотивы в творчестве Б. Зайцева и их трансформация в контексте мировоззренческих изменений автора.

Ключевые слова: Борис Зайцев, творчество, православие, религиозность, мировоззрение, революция, эмиграция, наследие, «Волки», «Мгла», «Священник Кронид», «Миф», «Изгнание», «Душа», «Белый свет», «Уединение».

Boris Zaitsev and Orthodox Christianity (Based on the Chosen Stories)

Egor S. Buneev
MA student at the Department of Philology
at the Moscow Theological Academy
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
e.buneeff@yandex.ru

For citation: Buneev, Egor S. "Boris Zaitsev and Orthodox Christianity (Based on the Chosen Stories". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (14), 2026, pp. 13–24 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2026.14.1.001

Abstract. This article attempts to characterize the religious worldview of Boris Konstantinovich Zaitsev. Through a critical analysis of the writer's biography and work, based on the stories "Wolves" (1902), "Fog" (1904), "Priest Kronid" (1905), "Myth" (1906), "Exile" (1910), "Soul" (1917), "White Ligh" (1921), and "Solitude" (1921), the main stages in the formation of his relationship with religion were identified: from "religious pantheism" to a conscious acceptance of Orthodox Christianity. Throughout his life, Boris Zaitsev proved himself to be a deeply religious man and one of the most significant religious writers of the 20th century in the Russian diaspora. The article analyzes religious themes and motifs in B. Zaitsev's work and their transformation in the context of the changing author's believes.

Keywords: Boris Zaitsev, creativity, Orthodoxy, religiosity, worldview, revolution, emigration, legacy, «Wolves», «Fog», «Priest Kronid», «Myth», «Exile», «Soul», «White Light», «Solitude».

Борис Константинович Зайцев родился 29 января (по н. ст. 10 февраля) 1881 г. в городе Орле в бедной дворянской семье. Отец писателя, Константин Николаевич Зайцев, был потомственным дворянином и работал горным инженером, а мать, Татьяна Васильевна, происходила из старинного рода Рыбалкиных и занималась домашним хозяйством. В семье было трое детей: Борис Константинович и две его старшие сестры — Татьяна и Надежда.

Когда Б. К. Зайцеву исполнился год, семья переехала в родовое имение — село Усты Жиздринского района Калужской губернии, где у отца была рудная контора. Спустя годы Борис Константинович будет очень тепло отзываться об этом месте.

Семья Зайцевых отличалась порядочностью, но не была религиозна. Несмотря на то, что географически Борис Константинович имел непосредственную возможность прикоснуться к таким величайшим русским святыням, как Оптина Пустынь, Саровский и Серафимо-Дивеевский монастыри, он ни разу там не был. Будущий писатель с интересом слушал рассказы о Серафиме Саровском, но более всего чем-то поражал душу ребёнка не подвиг святого, а лес, в котором трудился святой. В доме висели иконы, но на них никто не обращал внимания: родители писателя были неверующими, к религии относились как к пережиткам прошлого, из православных праздников справляли лишь Пасху и Рождество, и то скорее по установившемуся обычаю.

Первое образование Б. К. Зайцев получил дома. В 1892 г. он поступил учиться в Калужскую гимназию. Лето Б. К. Зайцев провёл в селе Балыково, располагавшемся неподалёку от Саровского монастыря под Нижним Новгородом, но никогда с отцом в монастырь не заезжал. В этих краях вместе с отцом Борис Константинович рыбачил, охотился, собирал ягоды. Долгие прогулки и непосредственное общение с природой выработали у будущего писателя её глубокое понимание, которое впоследствии будет раскрыто в его творчестве. В гимназии Б. К. Зайцев прошёл курс изучения Закона Божия, встретился с известным русским святым Иоанном Кронштадтским. Однако, и эти события не впечатлили Бориса Константиновича. Как и большая часть либеральной интеллигенции того времени, он оставался индифферентным к вопросам веры вплоть до своей зрелости: «Интеллигент в лучшем случае терпел это. А собственно считал религию «для простых». «Нам» этого не нужно»[1].

1 *Зайцев Б. К.* Дневник писателя. Оптина Пустынь // «Возрождение», 1929, 27 октября // Е. В. Воропаева. «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 32.

В 1898 г. Б. К. Зайцев поступил в Московское императорское высшее техническое училище на химическое отделение. Здесь он начал свои первые шаги на литературном поприще, познакомился с известным в то время писателем Леонидом Николаевичем Андреевым, который оказал серьёзное влияние на всё последующее творчество Б. К. Зайцева. Под началом Леонида Николаевича Борис Константинович начал впервые публиковаться. В текстах ранних рассказов Б. К. Зайцева («Волки» (1902), «Мгла» (1904)) исследователь Е. В. Локтионова находит черты «натуралистического пантеизма с мрачным оттенком». В художественном мире этих произведений царствуют первозданные стихии и хаос, все живые существа переживают беззащитность и одиночество перед бесконечной природой, «несущей смерть»[2].

В 1900-х годах в числе большинства религиозных философов и литературных деятелей Борис Константинович испытал на себе значительное влияние философии Владимира Соловьёва. Благодаря его труду «Чтения о Богочеловечестве» (1881) писатель начал задаваться более серьёзными вопросами, как жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть. Как выразился Б. К. Зайцев о Соловьёве: «Соловьёв первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере»[3]. Писатель впервые задумался о религии, но сначала христианство привлекало его лишь с эстетической стороны, оно придавало его творчеству оптимистический взгляд на вещи, благодарность за мир Творцу. На смену хаосу в художественный мир Б. К. Зайцева приходит «преображённый духовным видением человеческим облагороженный космос»[4]. В этот период его мировоззрение было близко к «религиозному пантеизму»[5]. Следует отметить, что в своих убеждениях Б. К. Зайцев вполне следовал художественным взглядам и религиозным убеждениям многих молодых творческих людей того времени.

В частности, в рассказе «Священник Кронид» (1905) Б. К. Зайцев описал образы Церкви и священнослужителя с позиции народа, простых, верующих людей, для которых вера составляет их обыкновенную жизнь, их быт. Вера тесно связана с работой на земле, церковные

2 *Локтионова Е. В.* Эволюция пантеистических взглядов Б. К. Зайцева в ранний период творчества // Булгаковские чтения. 2007. № 1. С. 225.

3 *Зайцев Б. К.* О себе // Б. К. Зайцев. Собрание сочинений. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М., 1999. С. 588.

4 *Локтионова Е. В.* Эволюция пантеистических взглядов Б. К. Зайцева в ранний период творчества. С. 226.

5 *Локтионова Е. В.* Мировоззрение Б. К. Зайцева как отражение творческого и жизненного пути писателя // Булгаковские чтения. 2008. № 2. С. 389.

праздники не лишены народных черт почитания, а священник изображается как человек, который хорошо знает своё ремесло и усердно работает во славу Божию и на пользу народа. В тексте писатель ярко и живо описывает природные явления, подчёркивает их непосредственное влияние на социальную и духовную жизнь общества. Время и пространство в рассказе ощущаются читателем как бесконечные, природа «неотрывна и от человека, и от Божественного»[6].

В 1907 г. З. Н. Гиппиус написала о его ранних рассказах следующее: «Есть последовательно: хаос, стихии, земля, тварь и толпа… А человека ещё нет»[7]. По выражению А. Г. Горнфельда (1908), Б. К. Зайцев в своих ранних произведениях «сливает людей с природой»[8], что является одной из основных характеристик пантеизма. Так, по мнению исследователя, писатель не случайно называет детей отца Кронида «двуногими» — он помещает их в один ряд с животными («четвероногими»), небом, деревьями и прочим[9].

По выражению самого писателя, в его более поздних рассказах «вместо раннего пантеизма начинают проступать мотивы религиозные — довольно ещё невнятно («Миф», «Изгнание») — все же в христианском духе»[10]. Таким образом в рассказах встречаются персонажи с ярко выраженными агиографическими элементами описания внешности («И весь он, в белых портах, с высохшими руками, напоминает пустынножителя»[11]), а также размышления на религиозные темы («Все мы переход, и мужики, и работники, и человечество теперешнее»[12]), прямое цитирование евангельского текста («Идите за Мною, Я сделаю вас ловцами человеков»[13]) и размышления на евангельские темы («Они оставили сети, жизнь, промысел, друзей и ближних и навсегда ушли с Ним»[14]).

В 1904 г. Борис Константинович впервые посетил Италию и сразу же был очарован её красотой и культурой. Италия, в частности, город

6 *Локтионова Е. В.* Эволюция пантеистических взглядов Б. К. Зайцева в ранний период творчества. С. 226.

7 *Гиппиус З. Н.* Тварное // Б. К. Зайцев. Собрание сочинений. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М., 1999. С. 588.

8 *Горнфельд А. Г.* Лирика космоса // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. М., 2001. С. 197.

9 Там же. С. 198.

10 *Зайцев Б. К.* О себе. С. 589.

11 *Зайцев Б. К.* Миф // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М., 1999. С. 50.

12 Там же. С. 54.

13 *Зайцев Б. К.* Изгнание // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 1. С. 257.

14 Там же.

Флоренция, стала «второй духовной родиной» Б. К. Зайцева[15]. Путешествие наполнило писателя светлыми, радостными чувствами, которые затем помогли ему пережить катастрофические последствия революции. Позднее писатель посещал Италию в 1908 и в 1911–1912 гг. Под впечатлением от увиденного в 1918 г. Б. К. Зайцев издал цикл очерков под общим названием «Италия», а также перевёл «Ад» Данте ритмизованной прозой. Примечательно, что любовь к Италии никак не умаляла любовь писателя к России.

В 1912 г. Борис Константинович женился на Вере Алексеевне Смирновой (Орешниковой). 14 августа в семье родился первенец — дочь Наталья.

В марте 1917 г. Б. К. Зайцев окончил Александровское военное училище в чине офицера. В Первую мировую войну писателя не отправили на фронт по причине болезни. Революция глубоко потрясла Бориса Константиновича, писатель пересмотрел своё отношение к религии. Следует отметить, что в это время множество интеллигентов, раннее настроенных на внедрение радикальных изменений в общественной и политической жизни страны, крайне отрицательно отнеслось к тому, что произошло во время реальных революционных событий. 27 февраля 1917 г. в толпе был убит племянник писателя, Юрий Буйневич, офицер Измайловского гвардейского полка. В октябре 1919 г. был арестован и расстрелян пасынок Бориса Константиновича, Алексей Смирнов. С этого времени Б. К. Зайцев стал глубоко верующим писателем. В качестве противопоставления катастрофическому хаосу революции он выбрал «гармонию и свет Евангелия, Церкви»[16], что непосредственно отразилось в его дальнейшем творчестве. В 1921 г. писатель опубликовал рассказы, которые выявили в нём осознанное принятие Православия («Душа» (1917), «Белый свет» (1921), «Уединение» (1921)). В этих произведениях Б. К. Зайцев критиковал последствия революции, воспринимая их как справедливое воздаяние за безверие и совершенную беспечность той эпохи. Писатель цитирует фрагменты Евангелия («Придите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы…»[17]) и церковных песнопений («Достойно есть, яко воистину блажити тя, Богородицу…»[18]), пытается осмыслить происходящие события через свет

15 *Любомудров А. М., Клементьев А. К.* Борис Зайцев. Православная Энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 532.

16 *Зайцев Б. К.* О себе. С. 589 // Там же.

17 *Зайцев Б. К.* Душа // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М., 1999. С. 342.

18 Там же. С. 347.

христианской веры («Малая жизнь, ты не Верховная. Не связать тебе путника. Он смотрит, но он жив, желает»[19]), верит в лучший исход («В печали, в небрежении лежишь, мой город. Но из пепла возродишься. Но ты жив, хоть и немотствуешь…»[20]), обращается с личной молитвой ко Господу («Дай любви — вынести. Дай веры — ждать…»[21]).

Весной 1922 г. Борис Константинович тяжело заболел сыпным тифом, провёл в коме двенадцать дней. Врач писателя, брат Веры Николаевны Буниной — Павел Муромцев, лечил его, но, разочаровавшись в возможности выздоровления пациента, прекратил лечение. Лишь благодаря молитвам Веры Алексеевны и небесному заступничеству святителя Николая, икону которого она положила на грудь своего мужа на тринадцатую ночь болезни, Борис пошёл на поправку.

Вследствие тяжёлого состояния 8 июня 1922 г. Борису Константиновичу было необходимо выехать за границу для лечения. Писатель направил все свои оставшиеся силы на ходатайство перед правительством о выдаче визы для необходимой поездки. Лишь благодаря вмешательству своих друзей А. В. Луначарского, Л. Б. Каменева и Ю. К. Балтрушайтиса Борису Константиновичу удалось осуществить желаемое предприятие. Таким образом Зайцевы приехали в Берлин. Больше на родину Б. К. Зайцев уже никогда не вернулся. На расстоянии писатель почувствовал утрату из-за оставленных в отечестве духовных святынь, воспоминаниям о которых впоследствии он посвятил свои художественные произведения.

В 1923 г. писатель на три месяца вместе с семьёй приехал в Италию, по приглашению профессора Ло Гатто. Там он в числе других русских лекторов-эмигрантов (в т. ч. Н. Бердяева, П. Муратова, М. Осоргина) познакомил итальянцев с бытовыми проблемами русского народа в СССР. В том же году, не желая жить под гнётом фашистского режима Муссолини, Б. К. Зайцев выехал во Францию, в Париж. В качестве первых впечатлений о новом месте жительства Борис Константинович отметил красоту и изящество города, но в то же время подчеркнул его глубокую приверженность язычеству. Здесь он прожил половину столетия.

Следующим периодом в жизни и творчестве писателя стали заказы от Христианского союза молодых людей (YMCA). Данная организация была основана в 1844 г. английским бизнесменом Джорджем Вильямсом с целью развития нравственных принципов у молодых людей.

19 *Зайцев Б. К.* Белый свет // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 2. С. 341.

20 *Зайцев Б. К.* Уединение // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 2. С. 335.

21 Там же.

Позднее возможности союза расширились: молодые люди получили возможность развиваться умственно и физически благодаря различным программам организации[22].

В это время Б. К. Зайцев пишет переложения различных житий, самое известное из которых — повесть «Преподобный Сергий Радонежский» (1924–1925). Сам писатель подчёркивал, что вряд ли бы увлёкся идеей её создания перед революцией[23]. В контексте эпохи, когда большевики угрожали уничтожением всего, что было связано с религией, перед автором стояла задача запечатлеть «идеал» Святой Руси в таком святом человеке, жизни которого необходимо было подражать каждому православному христианину для спасения своей души. Б. К. Зайцев считал, что таким «идеалом» должен был стать преподобный Сергий Радонежский[24].

В мае 1927 г. Борис Константинович вместе с женой, Верой Алексеевной, отправился в паломничество по монастырям. Вдохновил писателя на эту поездку подвиг князя Д. А. Шаховского, будущего архиепископа Сан-Францисского и Шанхайского Иоанна. Князь кратко побеседовал с писателем после возвращения из двухмесячного паломничества на Афоне, где Шаховской принял монашеский постриг. Под впечатлением от путешествия Борис Константинович написал книгу «Афон» (1928). После выхода провокационной работы Маризы Шуази «Месяц с мужчинами»[25], лживо показывающей жизнь афонских монахов с непристойной стороны, Б. К. Зайцев опубликовал очерк «Бесстыдница в Афоне» (1929). За активную апологетическую деятельность автора в пользу Православной Церкви настоятель Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне игумен Мисаил вручил ему икону священномученика Пантелеимона и «Иверскую икону Божией Матери с надписью “за защиту поруганного Афона”»[26]. После такого обличения со стороны Б. К. Зайцева Мариза Шуази публиковала только христианские книги[27].

22 См.: YMCA. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=YMCA&stable=1

23 *Зайцев Б. К.* О себе. С. 590.

24 См.: *Мальцев Л. А.* Типология национального образа святого в неожитийных повестях Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» и Ивлина Во «Елена» // Вестник славянских культур. Филологические науки. 2022. № 64. С. 200.

25 *Choisy M.* Un mois chez les hommes: Reportage. P., 1929.

26 *Шкаровский М. В.* Афон, как «символ Русского Православия» в творчестве российских писателей-эмигрантов 1920-х – 1930-х гг. URL: https://historymda.ru/articles/biznes-sovety/shkarovskiy-m-v-afon-kak-simvol-russkogo-pravoslaviya-v-tvorchestve-rossiyskikh-pisateley-emigrantov/

27 «Вскоре после пика своего «сюрреалистического» творчества <…> Шуази переживает религиозный переворот, в результате которого она начинает скупать и уничтожать тиражи

В 1935 г. Борис Константинович вместе с женой отправился в паломническую поездку в Финляндию, в августе прибыл на Валаам. Здесь Б. К. Зайцев пристально наблюдал за монашеским укладом жизни, посещал церкви, скиты, был у монахов, придерживавшихся старого стиля (т. е. не принявших григорианского календаря), работал в монастырской библиотеке. Результаты поездки Б. К. Зайцев описал в книге «Валаам» (1936). Как и ранняя книга «Афон», она вызвала одобрительные отклики в читательском кругу у русских эмигрантов, но сам писатель относился к своим книгам скептически, так как, по его мнению, он больше уделял в них внимание художественным чертам, чем Божественным.

Также известно, что с 1923 г. Борис Константинович жил во Франции и публиковал очерки о различных французских городах: Авиньоне, Арле, Ницце, и пр. В конце 1930-х гг. в труде «Монте-Карло» (1938) Б. К. Зайцев описал жизнь мученицы Девоты, небесной заступницы княжества Монако.

Следует также отметить, что писатель был близко знаком с протоиереем Георгием Спасским, который духовно окормлял семью Зайцевых. Борис Константинович принял непосредственное участие в издании сборника, посвящённому описанию жизни священника (о. Георгий Спасский: 1877–1934. П.: Издательство Комиссии по увековечению памяти о. Георгия Спассского, 1938). Вторым духовником семьи Зайцевых был архимандрит Киприан (Керн), с которым писатель познакомился в 1928 г. на съезде литераторов в Белграде. В раннем творчестве Бориса Константиновича вместо пантеизма отец Киприан видел христианские черты. Как он выразился о его ранних рассказах: «Это скорее какое-то подсознательное, неуловимое ощущение божественной иконы мира, его неомраченных светлых истоков»[28]. Также известно, что Борис Константинович продолжительное время общался по переписке с архимандритом Герасимом (Шмальцевым), занимавшимся миссионерской деятельностью на Аляске. Писатель хорошо знал и епископа

выпущенных ею книг. Она призналась, что написанное ею не удовлетворяет трём критериям Сократа: правда, полноценность и доброта. Шуази всецело посвятила себя психоанализу, который, как она полагала, должен внести свой вклад в человеческое счастье, и написала ряд трудов по этой теме. Историю своего обращения она изложила в книгах «Сказки для моей дочери и для других» (1946), а также «На пути к Богу вы сначала встречаете дьявола. Воспоминания, 1925–1939» (1977)» // *Любомудров А. М.* «Дневник писателя» Б. К. Зайцева: Диалог времён, культур и традиций // *Б. К. Зайцев*. Дневник писателя. М., 2009. С. 18.

28 *Архимандрит Киприан* (*Керн*). Б. К. Зайцев // Возрождение. 1951. № 17. С. 160 // Е. В Воропаева. «Афон» Бориса Зайцева. С. 32.

Кассиана (Безобразова). С 1951 по 1964 гг. Б. К. Зайцев активно участвовал в переводческой деятельности владыки в качестве литературного редактора. Свои воспоминания об архимандрите Киприане и владыке Кассиане Борис Константинович описал в своём последнем рассказе «Река времён» (1964).

Зимой 1957 г., в феврале, в семье Зайцевых произошло трагическое событие: жена писателя, В. А. Зайцева, перенесла инсульт и оказалась в парализованном состоянии. Борис Константинович восемь лет ухаживал за ней, кормил, с её слов составлял записи о хозяйственных нуждах. В 1965 г. В. А. Зайцева скончалась. В конце 1960-х гг. писатель издал с авторскими комментариями «Повесть о Вере» (1967) и «Другая Вера. Повесть временных лет» (1968) — произведения, в которых за основу были взяты некоторые места из переписки В. Н. Буниной и В. А. Зайцевой.

Всего за границей Борис Константинович издал 30 книг на русском языке и более 800 текстов в периодических изданиях. Его книги были переведены на множество языков: английский, болгарский, венгерский, испанский, итальянский, немецкий, нидерландский, сербохорватский, французский, чешский и японский. Находясь вдали от родины, писатель отмечал, что всё это время все его произведения были посвящены отечеству. Вся земная жизнь в этих произведениях понималась автором в виде странствия. Россию Б. К. Зайцев описывал как нечто сокрытое в мире от вражеских сил, понимание её внутреннего мира было доступно лишь избранным.

Борис Константинович умер в Париже 26 января 1972 г. 2 февраля того же года он был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. При жизни творчество Б. К. Зайцева так и не стало доступно русскому читателю: книги писателя начали публиковаться в Советском Союзе только в 1989 г.

Подводя итоги, следует отметить, что отношение Бориса Зайцева к православию на протяжении всей его жизни было неодинаковым. Писатель прошёл долгий путь от формального отношения к религии в детские годы, бытовавшего в его семье, до глубокого, осознанного принятия православия. Пройдя через горнило революции, через личные страдания и потери, Борис Константинович не утратил веру, но укрепился в ней. Тяготы жизни и революционные бедствия ещё больше способствовали обращению писателя к Богу, изменению жизни под Его началом. С того времени и до самой смерти Бог был всем для Б. К. Зайцева — об этом говорят и его прямые высказывания в дневниках и письмах,

и многочисленные паломничества, и воспоминания современников, среди которых были духовные лица, а это значит, что Б. К. Зайцев был глубоко верующим человеком, настоящим православным христианином.

Глубокая религиозность писателя, конечно, не могла не отразиться и в его творчестве. Рассказы, романы, повести Б. К. Зайцева — всё пронизано православными идеями, темами, образами, сюжетами. Тексты писателя являются плодородной почвой для появления всё новых и новых исследований на различные религиозные темы, поднимаемые автором, для привлечения новых людей в лоно Русской Православной Церкви, и наконец, спасения бесчисленного количества душ. Писатель умер земной смертью, но его творчество получает вторую жизнь в новом прочтении каждого читателя, а потому и по смерти автор ведёт миссионерскую деятельность.

Источники

Зайцев Б. К. О себе // Б. К. Зайцев. Собрание сочинений. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 587–592.

Зайцев Б. К. Дневник писателя. Оптина Пустынь // «Возрождение», 1929, 27 октября // // Е. В. Воропаева. «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 32.

Зайцев Б. К. Душа // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. С. 342–347.

Зайцев Б. К. Белый свет // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. С. 336–341.

Зайцев Б. К. Уединение // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. С. 330–335.

Зайцев Б. К. Миф // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 50–55.

Зайцев Б. К. Изгнание // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 243–260.

Зайцев Б. К. Волки // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 31–35.

Зайцев Б. К. Мгла // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 8 (доп.). Усадьба Ланиных: Рассказы. Пьесы. Переводы. М.: Русская книга, 2000. С. 20–24.

Зайцев Б. К. Священник Кронид // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. М.: Русская книга, 2000. С. 199–206.

Литература

Воропаева Е. В. «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 32–35.

Гиппиус З. Н. Тварное // Б. К. Зайцев. Собрание сочинений. Т. 4. Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 588–590.

Дунаев М. М. Православие и русская литература. Т. 6. М.: Христианская литература, 2000. С. 524–564.

Кара-Мурза А. А. «Пространство культуры» versus «Пространство власти». (Историософские размышления Бориса Константиновича Зайцева) // А. А. Кара-Мурза. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 40–62.

Любомудров А. М. «Дневник писателя» Б. К. Зайцева: Диалог времён, культур и традиций // Б. К. Зайцев. Дневник писателя. М.: Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2009. С. 5–22.

Любомудров А. М., Клементьев А. К. Борис Зайцев. Православная Энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 19. С. 532–535.

Локтионова Е. В. Мировоззрение Б. К. Зайцева как отражение творческого и жизненного пути писателя // Булгаковские чтения. 2008. № 2. С. 388–391.

Локтионова Е. В. Эволюция пантеистических взглядов Б. К. Зайцева в ранний период творчества // Булгаковские чтения. 2007. № 1. С. 224–227.

Мальцев Л. А. Типология национального образа святого в неожитийных повестях Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» и Ивлина Во «Елена» // Вестник славянских культур. Филологические науки. 2022. № 64. С. 199–207.

Мосин О. В., Мосина С. А. Писатель русского зарубежья Б. К. Зайцев // Всероссийское генеалогическое древо. [Электронный ресурс]. URL: https://baza.vgd.ru/11/61470?ysclid=m92nlu8rma996879063 (дата обращения: 05.06.2026).

Шкаровский М. В. Афон, как «символ Русского Православия» в творчестве российских писателей-эмигрантов 1920-х — 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://historymda.ru/articles/biznes-sovety/shkarovskiy-m-v-afon-kak-simvol-russkogo-pravoslaviya-v-tvorchestve-rossiyskikh-pisateley-emigrantov/ (дата обращения: 15.06.2026).